
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Валерий Богушев*
(г. Воронеж)

**УРОКИ БУНИНА,
ИЛИ КАК СТАТЬ КЛАССИКОМ**
(Ироническая проза)

Сейчас появляется много толковых трактатов о том, как написать бестселлер, роман, книги или просто стать писателем. Самое большее, чего вы можете добиться с помощью этих пособий — это освоить те приемы и способы письма, в которых поднаторели сами авторы. Но, что делать, если вам этого мало, и вы хотите стать классиком? Классикам почему-то не приходило в голову поделиться секретами своего мастерства.

Итак, для начала вы хотите написать рассказ в русле классических традиций, но пока не совсем представляете, как это делается. Предлагаю обратиться к первоисточникам. Против И. А. Бунина возражений не будет? Открываем наугад в сборнике «Темные аллеи» рассказ «Речной трактир», написанный 27 октября 1943 года. Автор начинает сюжет с того, как в переполненном ресторане «Прага» его пригласил к своему столику возле окна, «открытого на весеннюю теплую ночь, на гремящий трамваями Арбат», знакомый военный доктор. В первом абзаце крайне сжато сообщается об обеде с водкой и кахетинским под разговор о недавно созданной Государственной думе (время действия).

Затем военный доктор, расчувствовавшись, меняет тему, заговорив о весне и о грусти, зачем-то закрывает окно и посылает старого полового за коньяком. Стоит сразу оговориться, что к развитию сюжета это не имеет прямого отношения. Почему же Бунин не вычеркнул эти мелкие и, казалось бы, совершенно бесполезные подробности? Да в самих этих мелочах, без которых нет ощущения правдоподобности, и содержится некоторая интрига, заставляющая с нетерпением ожидать начала действия. Кто же поверит, что все затеяно ради воспоминания о банальной пьянке!

Далее, после рюмки коньяку, следует рассказ военного доктора о недавнем скандале, устроенном поэтом Брюсовым, который заходил в ресторан «с какой-то художенькой и маленькой девицей». Поэт заказал по телефону место, а места не оставили. «Наконец-то, начинается!» — целый большой абзац будет думать читатель, приготовившись стать свидетелем интимной жизни знаменитости.

Не тут-то было. Описание сцены с участием взбешенного поэта и его беззащит-

* Наш постоянный автор.

ной спутницы, молчаливо и робко взирающей на происходящее, лишь навело военного доктора на еще одно воспоминание о том, как лет двадцать назад в одном волжском городе он увидел стройную изящную девушку. Новая завязка происходит в момент, когда читатель от нетерпения уже согласен хоть на какую-нибудь историю. А тут загадочная прекрасная незнакомка, которая к тому же куда-то очень торопится. Разумеется, доктор из любопытства последовал за ней (кто в молодости хотя бы раз не поддавался подобным искушениям!). И вот он видит девушку опускающейся на колени перед алтарем в пустой церкви. В нескольких предложениях дается детальное описание внутреннего убранства храма. И еще несколько штрихов к образу самой незнакомки: «тонкая талия, лира зада, каблучки уткнувшейся носками в пол легкой изящной обуви...» Эти лишние индивидуальности штрихи, почему-то кажутся необыкновенно свежими, волнующими и выразительными. После молитвы девушка спешит к выходу, видит военного доктора, наблюдавшего за ней, и его «просто поражает своей красотой ужаснейший испуг, вдруг мелькнувший в ее блестящих глазах».

Оговорившись, что следующая встреча с девушкой должна была случайно и закономерно произойти в речном трактире тем же вечером, и еще сильнее заинтриговав этим читателя, рассказчик снова делает предлинное отступление. Приводятся пространные описания Волги и речного трактира того времени: посетители, половые, балалаечники на сцене. И вот во время пения под аккомпанемент трехрядной гармоники «знаменитого Ивана Грачева» неожиданно появилась в трактире она с пожилым промотавшимся помещиком, пьяницей и развратником. Молодой доктор, «ничего не соображая, не думая, кинулся вперед между столами так стремительно, что настиг его и ее почти при входе». После короткого бурного объяснения девушка покинула трактир, благородный молодой человек догнал ее на набережной и взял под руку. Небольшое расстояние от одного фонаря до другого шли молча. Затем она, «уткнувшись» в него, «задрожала от слез». Он усадил ее на скамейку и услышал: «Нет, неправда, он хороший... он несчастный, но он добрый, великодушный, беззаботный...» Доктору нечего было возразить. Он кликнул извозчика, они вдвоем добрались до города. На прощание она поцеловала ему руку. Больше он никогда не видел ее. Вот и вся история. После нее следуют еще два заключительных абзаца. В одном — описание ночного Арбата при прощании автора с доктором после ресторана («мягко пахло весенним дождем»). А в другом — мораль, заключенная в монологе доктора («не все ли равно, чем и как счастлив человек!») Из чего, по-видимому, можно сделать вывод, что рассказ этот не столько о любви, сколько о позднем прозрении, которое произошло на наших глазах. Доктор заплатил одиночеством за то, что не знал, на что способны хорошенькие барышни. Возможно, он сейчас завидовал и промотавшемуся помещику, и поэту Брюсову, и ему стало стыдно за свой давний, в сущности, эгоистический порыв в речном трактире.

Автор рассказа об этом не сказал ни слова, и каждый волен делать какие угодно умозаключения из так называемого подтекста, или не делать их вовсе. Теперь попробуйте сами написать рассказ по этой классической схеме и отнести в редакцию.

Только не удивляйтесь, если редактор его вернет под тем предлогом, что сейчас так никто не пишет.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ТЕПЛЫЙ ЗОВ «СТРАНЫ ХОЛОДА»

Когда закрываешь последнюю страницу хорошей книги, остается ощущение расставания, и еще не раз рука потянется к ней, а в душе навсегда будет отведено для полюбившихся героев и персонажей особое место. История мальчика Николки не отпускает от себя читателя от первой до заключительной строки. Автор, как говаривал незабвенный наш фантаст Иван Ефремов, скользит по лезвию бритвы, не впадая в сентиментальный тон, рассказывая о внутренней жизни ребенка, и не приписывая ему излишнюю «взрослость», — крайности, которыми нередко грешат весьма неплохие писатели, и детские, и не очень. Переходя из одного возраста в другой, люди чаще всего начинают страдать размыванием границ представления о прежних, более ранних этапах собственного восприятия мира. Ничего подобного не встречается в повествовании Яшина. Необычная суровость условий, в которых от рождения выпало расти его маленькому герою, безусловно, влияет на характер развития ребенка, придавая ему основательность и солидность, но не лишая наивности и обаяния, неотделимых от прожитых им пяти-шести лет. Перед читателем появляется «мужичок с ноготок», который, едва научившись ходить, крепко, сразу на двух ногах, обосновался на земле родного острова, он видит непростую жизненную реальность, участвует в ней без попыток «дезертировать» от ее сложностей, не утрачивая свежего и радостного взгляда на происходящие немудреные события. Для введения в глубь этой детской и, тем не менее, далеко не маленькой души автор находит верные и точные фразы: «...Сейчас-то он уже мог словами объяснить и метели с оттепелями, свертывание серого неба в веселые облака-барашки... Но год с лишком назад Николка все это понимал не словами, но как-то по-другому...» Пишет Яшин книгу для взрослых и речь формирует соответственно, — а тот, кто открыл ее, проникается заботами мальчугана, даже не изучившего пока алфавита — по малолетству. Любой человек, чье сердце не обумажнено погоней за деньгами, с увлечением будет следить за перипетиями течения времени на удаленном клочке земли, где жителей — раз-два, и обчелся, но вершат они важную для страны работу — обслуживают маяк. Прихлынет, как слезы к глазам, воспоминание о собственных первых годах, возникнет, хоть ненадолго, понимание, что чувствует и думает родимое чадо. Вдруг нагрянет осознание важности семейных уз, копейку стоящих по нынешним расценкам. «Страна холода» предстанет ярким образцом самого теплого товарищества и взаимовыручки.

Вместе помогают выгрузить корову-новоселку, вместе работают и устраивают застолья с «обсуждениями». Николкина мысль трудится непрерывно, постигая основы мироустройства, ученье его давно началось, но он еще не осознает этого факта. Урок 1: глава семьи приобщает сына к литью дроби — дело немаловажное в суровых жизненных условиях. «Смотри внимательно, — говорил отец, принеся... ведро с разнокалиберными кусками свинца, — куски... гармошкой уминаешь, чтобы ковш плотнее набить и за один раз весь расплавить...» Урок 2: сосед Трофим Матронин показывает мальчику редкую книгу:

«...Интереснее было на страницах книги, ... где... в целый лист красовались хотя и не цветные, но очень необычные, словно тонким пером нарисованные картинки: старинные... парусные корабли, люди в меховых одеждах, едущие верхом и в упряжке на оленях, а главное — шторма на море, скалистые берега... Все это... похоже на окружающий сегодняшнего Николку мир...»

Через оценивание поступков приходит к нему и понимание людей. Он смекалисто подмечает, что родитель, напившись любимого чаю, становится разговорчивым и благодушным, больше интересуется сыновними проблемами и вопросами (с кем из нас не случилось?); видит, — матери бывает скучно воспринимать мужнины философствования, но из уважения к супругу ей приходится имитировать внимание. Не всегда одобряет чуткий детский разум и заглазные отзывы взрослых друг о друге. «Познакомившись с Матрониным накоротке, до этого даже чуть побаивался его, почти всегда хмурого, как-то досадливо хромающего на левую ногу, Николка теперь с неудовольствием слышал упоминаемое в разговорах дома прозвище Трофима — Колчедыкин. Нехорошо это, думал он, смеяться над несчастьем хорошего человека...»

Еще урок — Меловая бухта. Разглядывает мальчонка легко крошащийся белый камень и обнаруживает следы древней жизни — «...рисунки... хорошо ему знакомых ракушек, винтовых улиток...» Сама природа щедро дает растущему человеку первичное образование.

Не отстает и социум. На гребне радиоволн всплывает к нему из пучины геройский крейсер «Варяг», и под неторопливые отцовские разъяснения рождается уважение к отечественной истории, деяниям предков, любовь к родному краю, своей стране.

Убедительно разворачивается перед Николкой картина полезности школы, когда его старший брат Толька, опираясь на полученные в интернате знания, измеряет остров, «по правилам науки» осушает озеро. Ненавязчиво, просто, житейски воспитываются маячные ребятишки. Северное лето одаривает их множеством свобод и накрепко внедряющихся в восприимчивые души красот. Недаром в первой и последней главах немолодой уже человек Николай Андреянович хорошо вспоминает далекие годы, проведенные на будто неласковом, однако приросшем к сердцу клочке суши, хотя увела давно судьба, вполне благополучная, за тысячи километров от него.

Размеренное повествование ведется последовательно и логично, языком, вызывающим чувство добротности, прочности, точно подобранных интонаций и глубокого проникновения в сущность вариантов детского и взрослого мироощущения. Неподсахаренная, естественная людская жизнь. Автор владеет и словом, и знанием того, о чем пишет, благодаря чему книга необыкновенно интересна, тем более для читателя, никогда не бывавшего в столь дальних широтах.

Литературный почерк Алексея Яшина крупный, округлый, впечатляюще самобытный.

Людмила Алтунина
(г. Тула)

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ...

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ

Сразу же оговорюсь, это — не рецензия, а, скорее, отклик на рассказ Алексея Яшина «Индустриальная пустыня (Старый директор)» («Приокские зори» № 4, 2009 г., стр. 76—90). В основе повествования — подлинный образ Вадима Сергеевича Усова (его светлой памяти и посвящен рассказ), на протяжении многих лет возглавлявшего машзавод (ныне ОАО «АК «Туламашзавод»), истинно государственного человека, руководителя, организатора производства, мецената, создателя, сердцем болевшего за страну, за народ, за своих земляков. Имя его известно многим тулякам. И мне посчастливилось с ним встречаться. Есть и еще весомый повод вспомнить этого необыкновенного человека. В октябре текущего года Тульский государственный университет, при поддержке и на базе которого издается данный журнал, отметит свой 80-летний юбилей. В.С. Усов — выпускник этого вуза 1949 года, по специальности «Технология машиностроения». Уверена, именно вуз во многом заложил основы его незаурядной личности, сыграл определяющую роль в его профессиональном и духовно-нравственном становлении, в выработке жизненных ориентиров, в подходе к любому, а тем более к заводскому, делу по-государственному.

Сей материал — отклик человека, задетого за живое созвучностью размышлений героя рассказа — этого старого директора (по сути, за ними — гражданская позиция и самого писателя А. Яшина).

Для ясности процитирую: *«Как же мало надо, чтобы пробудить в человеке заразу наживы, индивидуального обогащения, образа жизни по принципу «человек человеку — волк»? — Надо только бросить клич: «Бери, что плохо лежит, отними у соседа, перережь ему глотку и завладей, а власть тебя же и охранять будет!» И все, насмарку 70 лет борьбы с голодом и нищетой, разрухой и отставанием, неграмотностью и диким бескультурьем.*

Вот, казалось бы, подняли страну с колен, выиграли самую свирепую войну, наконец-то накормили досыта, сделали людей и страну самой образованной и культурной в мире, загнали глубоко-глубоко в подсознание каждого инстинкты индивидуализма и наживы, а вот поди же... За считанные годы разрушили величайшую Империю мира с помощью своих «лютых друзей»...

Кстати, сразу же замечу, подобные размышления лейтмотивом проходят не только в данном рассказе, но и в публикациях других авторов. Например, в рассказе «Сухари» сочинца Валерия Румянцева, в прошлом работника КГБ СССР, написанного хорошим, хлестким литературным языком. Читаем: *«Пришли другие времена, когда борцы с привилегиями перешли на сторону противника, когда в гонке за богатством победителей уже не судили, когда торжество лжи широко освещалось через средства массовой информации, когда опьянение свободой пока еще не вызвало похмелье*

заднего ума, когда из двух зол стали выбирать тайным голосованием. А выборы в Думу? Они показали, что только очень богатые люди могут позволить себе думать о родине. Ветер перемен поднял пыль, за которой Черкашину трудно было рассмотреть происходящее. Вокруг него бурлила совершенно иная, чуждая для него жизнь. То, ради чего он проливал свою кровь, за что в меру своих сил боролся всю жизнь, новая власть, не задумываясь, перечеркнула. Получалось, что свою жизнь он прожил зря. Черкашин так же, как и миллионы других его соотечественников, растерялся в этой новой жизни. Он не понимал и не хотел понимать, как это всего за каких-то три-четыре года одни россияне умудрились заработать миллионы долларов, а несколько человек — миллиарды. Сам Черкашин относился к той категории, кого судьба бросила в потребительскую корзину, а попала в мусорную. Пришло время, когда будущее уже не таило в себе надежду»...

Судьбы, мысли, отношение к жизни и происходящему в ней героев А. Яшина и В. Румянцева, в общем-то разных людей, во многом очень похожи. Похожи, прежде всего, не только тем, что жить им довелось в одной стране, в одно время, и старость их пришлось на время тяжелых перемен лихих 90-х годов прошлого столетия, а главное тем, что оба не предали, не перешагнули и не перечеркнули нравственные законы, не задушили совесть в себе, не потеряли понятия о чести, человеческом достоинстве, патриотизме, наконец, в самом широком смысле этого слова — понятиях, почти полностью упраздненных в постсоветском обществе. Они не перестроились столь быстро, ловко и подло, как это сделали иные, руководствуясь принципами временщиков: «разделяй и властвуй», «урви, пока не поздно», «после меня — хоть потоп» и т.п. Эти люди не вскочили суетливо и по-хозяйски на рельсы новых перемен, не сменили окраску. Они остались верными прежним идеалам и не разучились думать по государственному, а не как индивидуалисты — стяжатели. А что греха таить, иные директора российских предприятий, имея в руках немалые материальные ценности и мало совести, быстренько их присвоили и стали исповедовать совсем другую идеологию, нежели прежде.

В этой целостности натуры — величие героев рассказов и их личная трагедия как не вписавшихся в новое постсоветское пространство с моралью и законами, чуждыми их внутреннему миру, воспитанию и гражданской позиции.

...В силу своей журналистской деятельности мне не раз приходилось видеть на различных мероприятиях прототип героя рассказа А. Яшина В. С. Усова и даже брать у него интервью, как у выпускника нынешнего Тульского госуниверситета, в многотиражной газете которого я работаю много лет. Это был, повторюсь, истинно государственный человек, заслуживающий того, чтобы лишний раз вспомнить его добрым словом. Именно благодаря таким людям, — к счастью, они были и есть не только на производстве, но и в российских учреждениях и организациях, НИИ, КБ, в вузах и в ученой среде, — Россия выстояла в 90-е годы, не упала на колени, жива и, несмотря на кризис, возрождается потихонечку.

В 90-х годах на совещания Совета директоров, проходивших, как правило, в Тульском Доме науки и техники, Тульский Союз промышленников и предпринимателей приглашал журналистов, в том числе и многотиражных газет. Дебаты среди руководителей производства порой разгорались горячие. Время было такое: свертывалось производство, останавливались целые цеха, закрывались предприятия, объекты социально-бытовой инфраструктуры. Оборонные предприятия переходили на выпуск гражданской продукции — конверсия. Огромная утечка кадров, пугающая неуверенность в завтрашнем дне. В общем, перемены шли нешуточные и, увы, как известно, далеко не в лучшую сторону. Когда по какому-либо вопросу накалялись страсти, взоры невольно обращались к В.С. Усову. Он, если не ошибаюсь, возглавлял

в то тяжелое время Совет директоров. Вадим Сергеевич, седовласый, подчеркнуто спокойный, всегда подтянутый, несмотря на солидный возраст, безупречно одетый, немного сутуловатый, как большинство людей высокого роста, неспешно выходил к трибуне или просто вставал у своего места и очень спокойным тоном начинал говорить негромко, но убежденно. Взгляды устремлялись к нему с какой-то нескрываемой надеждой — так мне казалось. Гулявший по залу рокот стихал. Меня всегда восхищало, как убедительно и просто умел Вадим Сергеевич связывать воедино цепь своих рассуждений, подкрепляя их конкретными цифрами, фактами и выводами. Умел прозорливо заглянуть в будущее, перекинув на глазах у всех этот невидимый мостик из сегодня в завтра. И каким он был оптимистом в своих воззрениях даже в тот, казавшийся многим беспросветным и безвыходным период!

Тогда все больше раздавались призывы «перековать мечи на орала». Идея конверсии оборонных предприятий, сокращения, а то и вовсе перепрофилирования оборонных специальностей в вузах охватило многие умы того времени. И в такой ситуации крайне важно было не пороть горячку, сохранить здравомыслие, дабы вместе с водой не выплеснуть ребенка.

В 1993 году на базе ТулГУ проходил Международный конгресс «Конверсия, наука и образование», собравший широкое представительство ученых ведущих вузов страны, РАН, НИИ, КБ и т.д., гостей из ближнего и дальнего зарубежья, включая Австрию и Германию. Солидный был форум, весьма серьезно поднимавший вопросы конверсии предприятий ВПК и существования оборонных специальностей в вузах. Участвовали в нем и тогдашние видные люди России: Н. Г. Малышев, советник Президента РФ по вопросам науки и высшей школы, член-корр. РАН; В. К. Глухих, председатель Комитета РФ по оборонным отраслям промышленности; А.Е. Еремин, председатель Комитета по промышленности и энергетике Верховного Совета РФ, и другие высокопоставленные лица. В рамках Конгресса в университете работала выставка, демонстрировавшая результаты конверсии — товары народного потребления, вплоть до термосов и сковородок, произведенных на базе некогда оборонных предприятий страны, в том числе и тульских. Грустно было смотреть на эти сковородки. Невольно вспоминались мудрые слова о том, что «кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую»...

Эту точку зрения полностью разделял и В. С. Усов. Он тогда сказал, отвечая на мои вопросы о конверсии на машзаводе, что, конечно, чтобы выжить, они будут производить гражданскую продукцию, те же знаменитые на всю страну мотороллеры «Муравьи». Но, как подчеркнул он тогда, даже если его будут заставлять перепрофилировать на гражданку все цеха, он на это не пойдет, а самые основные цеха с современными ЧПУ «заморозит» до лучших времен. Он был уверен, что уже скоро спохватятся и вспомнят о ВПК, и снова у завода будут госзаказы оборонного характера.

Не он один поступал тогда, на свой страх и риск, так же мудро и дальновидно, мысля и подходя к решению проблем по — государственному, а не местнически, не с позиций сиюминутной выгоды. И время показало, что эти люди были правы. В этом славном ряду можно назвать имена многих и многих туляков. К примеру, знаменитых оружейников, стоявших у руля флагманов отечественной обороны: тогдашнего генерального конструктора и начальника ФГУП «Конструкторское бюро приборостроения», академика Российской Академии наук А. Г. Шипунова; его заместителя, соратника, единомышленника и друга, Героя Социалистического Труда В. П. Грязева. Вместе они создали непревзойденные образцы отечественного стрелково-пушечного оружия, стоящего на вооружении Российской Армии и Военно-Морского флота на суше, в воздухе и на море; генерального директора ФГУП «ГНПП «Сплав», разрабатывающего самые современные и мощные в мире реактивные системы залпо-

вого огня, основателя научной школы проектирования реактивных систем, Героя Российской Федерации Н. А. Макаровца. Этот пост он занимает с 1985 года и по сей день. Добавлю, что в сложных условиях переходного периода, в 1996 году, Николай Александрович организовал и возглавил в ТулГУ кафедру стартовых и технических комплексов реактивных систем залпового огня, которая и поныне успешно работает под его руководством. Что знаменательно, все эти люди — выпускники Тульского механического института (ныне ТулГУ). И, повторюсь, именно вуз сыграл главную роль в их профессиональном и личностном становлении, заложил морально-нравственные основы, научил государственному отношению к делу, дал путевку в жизнь. Список можно продолжать долго...

Отрадно осознавать, что в противовес всякой грязной «пене», вдруг обильно, пышно всплывшей на поверхности и стремящейся ловить рыбку в мутной воде, дабы побольше урвать для себя, эти, государственные, люди были не где-то там, далеко, а здесь, рядом с нами. Они, порой почти в одиночку, самоотверженно боролись каждый на своем месте, создавали и не опускали рук. И тем, что положительного мы сегодня имеем в промышленности, образовании, науке и культуре, выйдя из недавнего, тяжелого прошлого, во многом обязаны именно им. Эти люди, не потерявшие честь и совесть, были во всех сферах жизни. В то же самое время, например, гибко отстаивали необходимость подготовки оборонных кадров в ряде вузов тогдашний ректор ТулГУ Э. М. Соколов (более 26 лет находился на этом посту, пройдя путь в стенах данного высшего учебного заведения от студента до ректора), возглавлявший в то время Совет ректоров Тульской области, — ныне заведующий кафедрой аэрологии, охраны труда и окружающей среды этого вуза, — доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, трижды лауреат премии Правительства РФ, награжденный орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, почетный гражданин города-героя Тулы, и ректор МГТУ им. Н. Э. Баумана И. Б. Федоров, другие представители высшей школы. Объединившись в Российский Союз ректоров под руководством ректора МГУ В. А. Садовниченко, они, единомышленники, единодушно, последовательно, грамотно отстаивали интересы высшей школы на федеральном уровне. И многое сделали для того, чтобы она вообще выжила в 90-х годах и вышла из того периода не едва дыша, а динамично развиваясь, перестраиваясь в соответствии с веяниями времени, но не теряя главного — своих лучших традиций и наработок.

В этой связи просто не могу не привести такой красноречивый пример. В середине 90-х годов, когда на содержание государственных вузов из федерального бюджета в течение нескольких лет не поступали средства, и высшая школа находилась на грани выживания, проблемы эти остро обсуждались на одном из собраний представителей вузов Тульской области. Некоторые выступающие пылко призывали профессорско-преподавательский состав устроить забастовку, не выходить на работу и т.п. Вот тогда на трибуну поднялся видный ученый, доктор физико-математических наук, профессор Тульского государственного университета Леонид Александрович Толоконников и сказал, что, если ему государство не будет платить ни копейки, он все равно не бросит занятий со студентами, науку, потому что быть ученым и преподавателем — это не работа, это — состояние духа, образ жизни. Зал притих, слушая его, а потом взорвался бурными аплодисментами, дружно поддерживая, одобряя и разделяя жизненную позицию ученого.

Вот на такого сорта людях и выстояла высшая школа, Тульский государственный университет в том числе. Весьма показательно, что и в трудные 90-е годы он активно прирастал новыми факультетами и специальностями. В этом, прежде сугубо техническом вузе, появились естественнонаучные, гуманитарные, социально-экономические, медицинские специальности. Из политехнического института он перерос в нача-

ле 90-х годов в технический госуниверситет, а в середине 90-х — в статус классического университета, при этом сохранив, расширив мощное инженерно-техническое направление, включая оборонные специальности. Сегодня это — крупнейший, многопрофильный университет, таковых по всей России сыщется немного. И именно под руководством Э. М. Соколова вуз вырос в крупный многоотраслевой университет классического типа, вошедший в число лучших вузов страны.

Но вернемся к В. С. Усову. Хочу вспомнить еще пару моментов, связанных с его светлым образом как мецената — продолжателя добрых традиций российской благотворительности. Опять же провальные 90-е годы, когда производство в буквальном смысле слова стояло на грани выживания. Заводских забот и хлопот полон рот, как говорится, а Вадим Сергеевич собирает в торжественной обстановке в актовом зале машзавода лучших студентов Тульского госуниверситета с тем, чтобы принародно, празднично вручить им сертификаты на получение заводских, именных, стипендий, носящих имена видных ученых и производственников, чьи судьбы были тесно связаны с тульской промышленностью и наукой, с машзаводом и вузом. В тот период разрухи, упадничества не только в экономике и промышленности, но и в головах, умах Вадим Сергеевич смело, мудро и оптимистично заглянул далеко в будущее. Он убежденно сказал тогда студентам и всем собравшимся — зал был полон, — что Россия, а с ней и тульская промышленность возродятся, и скоро снова будет большой спрос на инженеров, что быть инженером во все времена было почетно и престижно, а высококвалифицированные специалисты всегда нужны. Одаренных и увлеченных студентов надо особенно поддерживать в трудное время, чтобы потом получить достойную смену... Сегодня спрос на инженеров действительно высок.

Или еще эпизод. 1991 год. Праздничные дни, посвященные памяти Л. Н. Толстого в его имении в Никольском-Вяземском, возрожденном по инициативе В.С. Усова; с музеем Толстого, воссозданной атмосферой XIX века в облике и культуре исторического села. Народу понаехало тьма. И вот всем собравшимся в Доме культуры раздали текст любимой великим писателем песни об удалом Хазбулате. Все душевно пели и вместе со всеми — Вадим Сергеевич. Как сейчас вижу этого старого директора — мецената в светло-сером костюме, превосходно гармонизировавшем с серебром его волос, воодушевленно выводившем слова старинной песни вместе с народом. Красивый, сильный духом человек!

В тех же, 90-х годах, когда повсюду закрывались детско-юношеские секции и кружки, по инициативе и при материальной поддержке В. С. Усова в Туле открылись бесплатные Центры технического творчества для детей и школьников «Гайдаровец» и «Винтик и Шпунтик». В «Гайдаровце» художественной чеканкой и инкрустацией по металлу и дереву под руководством талантливых умельцев — братьев Горбуновых занимались трое моих детей и их друзья. Здесь же работал и кружок мягкой игрушки, который они тоже посещали. Вот так, благодаря Усову многие дети избежали пагубного влияния улицы и обретали деловые навыки, которые некоторым из них даже помогли выбрать профессию по душе. А ведь, заметим, то было время, когда большинству родителей, озабоченных добычей хлеба насущного и мыслями, как свести концы с концами, накормить, обуть-одеть детей, было не до их воспитания. И эта пресловутая «улица» поглотила далеко не одного из тех, чье детство и отрочество пришлось на провальные 90-е годы, горькие плоды которых мы до сих пор пожинаем.

То, что такая тематика: осмысление новейшей истории, творящейся на наших глазах, судеб людей, выросших на идеалах бывшего СССР и многого, чуждого, не воспринявших в российской действительности, находит место на страницах «Приокских зорь» в литературно-художественной интерпретации, имеющей под собой очевидную документальную основу, жизненный опыт и наблюдения самих авторов рас-

сказов, делает честь этому изданию. Придает ему актуальность, острое общественное звучание. Подталкивает и читателя к осмыслению современных общественно-политических, социально-экономических процессов и явлений, определению своего места и роли в жизни, своей гражданской позиции.

«Приокские зори» — единственный в Тульском регионе такого рода полновесный литературно-художественный и общественно-публицистический журнал, на страницах которого находится место весьма широкому кругу тем и проблем. Это живое издание, отражающее через призму творчества разные стороны нашей жизни, человеческих судеб в единой канве ее исторической ретроспекции и современности. И, главное, журнал объединяет неравнодушных людей, у которых болит душа за свое Отечество, за будущее наших детей и внуков.

Будем же и впредь все вместе, в силу своих сил и возможностей, служить на поприще доброго, вечного...

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ПОЭТУ БЫТЬ ЗОИЛОМ — НЕ РЕЗОН!

Просматривая рубрику «Литературная критика, рецензии» в одном из номеров «Приокских зорь», невольно обратил внимание на рецензию, не оставляющую камня на камне на творчестве одного из публикующихся авторов. И все бы прошло гладко. Ну, пожурил кто-то кого-то за недостаток смысловой нагрузки в стихах, или за огрехи в словотворчестве. Хорошая критика, глядишь, и будет на обоюдную пользу! Вот только стиль критической статьи как-то не вязался с принципом конструктивности. А уж когда вчитался в суть, то не удержался от встречного опуса.

Одним из объектов критики стало выражение «*Душа нудит еще глоток хлебнуть, и, рассекая волны ярым кролем, доплыв до середины, утонуть...*» Обратимся к толковому словарю В. И. Даля (т. II, «И-О»). *Нудить* — неволить, торопить и др. Как пример приведено: «Неволя нудит». *Душа нудит* — т.е. торопит, неволит. Вполне допустимое в русском языке выражение. Неудовлетворение у критика вызвали также слова: «*ярим кролем*». Одним из значений слова «*ярый*» является — скорый, быстрый, рьяный, неустойчивый (Даль В. И., т. IV «А—В», Словарь русского языка под ред. Евгеньевой А. П.) И. С. Тургенев в рассказе «Певцы» пишет: «*Ярый смех поднимался временами оттуда взрывом*». Ну, а уж «*ярый кроль*», или «*быстрый кроль*» — вполне литературное авторское выражение.

Вряд ли стоило упрекать автора в негативном отношении к жизни, тем более, что слишком розовые очки искажают нашу многоцветную действительность, нарушают гармонию ее восприятия. У Омара Хайяма читаем:

*«Если ты не слепой, мглу могильную зри!
Эту полную смут, землю пыльную зри!
Сильных мира сего в челюстях муравьиных —
Этот мир, эту тризну обильную — зри!»*

Что бы сказал критик про эти строки? Излишен также упрек автору в логике стихотворения:

*«Вдоль улицы распутица,
В снегах стоят дома.
Но пьет из лужи курица.
И, стало быть, весна...»*

Уважаемый критик! Конечно, куры во все времена года способны «приложиться» к лужице, чтобы испить воды. Но автор пишет: «*В снегах стоят дома*». И уж, коль скоро появились лужи, которых при снеге не бывает, «*то, стало быть, весна*». Вполне логично. Может малозначимо в смысловом отношении. Но как эту, набросок с натуры — почему бы нет?

Не эстетичны и оскорбительны для автора и читателей слова критика: «сграфоманить», «по-казюковски хаять», «противоречивая ложь», «плохо и непоэтично»,

«записки сумасшедшего алкоголика, готовящегося от безделья к суициду». Это все-таки обмен мнениями о литературном труде. Хорошо, или, плохо — утверждать не могу, не читал, а, если бы и прочел, посчитал бы невозможным разделять под орех коллегу по перу. Пусть этим занимаются профессиональные критики, которые зарабатывают на хлеб насущный. Представляю, что мог бы написать критик про рубаи Омара Хайяма:

*«В жизни трезвым я не был, и к Богу на суд
В Судный день меня пьяного принесут!
До зари я лобзаю заздравную чашу,
Обнимаю за шею любимый сосуд».*

Здесь ведь и алкоголизм, и имя Бога — рядом!

Нельзя назвать «бумагомаранием» и «жаждой изобретательства» использование автором термина «зоил», а слово «доднесь» — «новорезом». Читаем у В. И. Даля: «Зоил — от имени древнего осуждателя Гомера, злой, жадный, завистливый критик». «Доднесь — доньше, до сего дня, до наших дней, времен». (В. И. Даль, Толковый словарь, т. I, (А—З).

Не всегда поэт должен рассчитывать на «простого читателя». Он должен побуждать его к познанию истории и литературы. Во что бы превратилось творчество, если почти каждое слово надо было бы расшифровывать? В энциклопедию? Толковый словарь? Например, стихи Н. Гумилева:

*«И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселье онагры
Звенели золотом копыт».*

Неужели эти строчки нуждаются в подстрочном переводе, что мол, *Агра* — это город в Индии, бывшая резиденция Великих Моголов, а *онагр* — это тот же *кулан*, животное рода лошади, низкорослое, длиной до двух с половиной метров? Что останется от музыки стиха? А какую оценку можно дать классику японской поэзии Басё за его *хокку* (трехстишие):

*«Ношу хвороста отвезла
Лошадка в город... трусит домой, —
Бочонок вина на спине?»*

Нет слов без смысла. В каждом слове — смысл. Мы хаос слов — в систему превращаем. И, если не почил в бозе мысль, слова своею сутью наполняем. Сказал поэт, безграмотность коря: «Вы мне пришлите знаки препинания. Я тут же, лишних слов не говоря, наполню рифмы смыслом содержания».

Наши мысли это и есть те знаки препинания, которые надо воплотить в строчки, наполнить личностным восприятием. Давайте не будем никого лишать права творить по-своему! Не учились в литинститутах Ломоносов и Пушкин, Толстой и Тургенев. И ошибки могли делать в правописании. И к творчеству Пиромани, других народных художников, примитивистов Митьков, надо относиться соответственно степени их восприятия и понимания.

Переходя от частного к общему, от конкретной ситуации к проблеме критики как таковой, хочется пожелать всем поэтам оглянуться на свое творчество. Трудно от самого себя ожидать объективности. Исторически критические статьи и рецензии писались специалистами литературоведами. Правда, они как теперь говорится, «пиарили» тоже не всегда объективно, но, хотя бы не вызывали неприязненности от коллег по цеху.

Поэты свои личные, подчас, предвзятые, отношения к собратьям по перу чаще выражали на поэтическом языке. Сергей Есенин писал:

*«Мне мил стихов российских жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.*

*И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи, как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.*

*Других уж нечего считать,
Они под холодным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют».*

Здесь — личностное отношение к литературным противникам и критика социального в творчестве. Право на собственное видение мира сомнению не подвергается. Остро, нелицеприятно, но талантливо! Эти слова воспринимаются, как эпиграмма, на которую обижаться ни Маяковский, ни Клюев не могли.

Есть у А. С. Пушкина эпиграмма на критика Каченовского, резко осудившего «Историю государства Российского» Карамзина. А. С. Пушкин не был согласен с консервативной направленностью «Истории», но защитил Карамзина от критика поэтическим способом:

*«Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!»*

И, дальше:

*«Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!»*

А вот уже принимается за членов «Беседы любителей русского слова», нелицеприятно отозвавшихся о В. А. Жуковском:

*«Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!»*

Безусловно, Пушкин также умело поучал поэтов, и, при необходимости, мог высечь их одной эпиграммой, или парой другой незабываемых строчек. В своем раннем стихотворении «К другу стихотворцу» он писал:

*«Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет».*

*«...не тот поэт, кто рифмы плестъ умеет
И, перьями скрывя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать...»*

Чтобы не перейти в сообщество критиков, на этом хочу закончить свои заметки по поводу... Будем добрее друг к другу, хотя бы в творчестве!

В древней китайской «Книге перемен» И-ЦЗИН сказано: «Наступи на хвост тигра так, чтобы он не укусил тебя самого».